

Цзян Но даже не потрудился снова обратить на него внимание, а лишь надел маску для сна:

- В любом случае, если я снова увижу, как ты издеваешься над Гу Цзянго, я уменьшу твои карманные деньги.

Цзян Но был не из тех старших братьев, которые могли бы использовать силу при воспитании. Так что он не собирался утруждать себя тем, чтобы бить своего младшего брата. В конце концов, после такого у него только будут болеть руки. Когда его отец еще не был болен, его метод наказания младшего брата был более чем цивилизованным: он просто жаловался на него.

Теперь, когда отца больше нет рядом с ними, наказание будет изменено на экономические санкции.

Это был стиль, характерный для молодого господина Цзяна, который не требовал крови, но при этом был весьма эффективным. Цзян Су на самом деле послушно закрыл рот, но только для того, чтобы пожаловаться в глубине души: «И зачем я пытаюсь защитить его таким образом, рано или поздно он сам пожалеет о своих словах. Глаза брата Гу, когда он смотрит на тебя, всегда другие!».

Впрочем, он не собирался говорить эти слова вслух, поскольку все еще надеялся увидеть своего отца.

Его мать часто жаловалась ему, говоря нечто вроде: «Твой старший брат теперь действительно глава семьи Цзян, и он даже не обсудил с нами, нужно ли переводить твоего отца в другую больницу. Как он вообще может думать о мнении такого младшего брата, как ты? Совершенно очевидно, что он не хочет, чтобы ты навещал его!»

Однако теперь единственным человеком, который был готов отвести его навестить отца, был его старший брат.

Ло Мейцинь часто говорила, как она любит их семью, своего мужа и сына. Однако теперь, когда его отец был все еще жив, она уже откровенно начала встречаться с другим мужчиной...

Цзян Су снял маску для сна. Чем больше он размышлял на эту тему, тем большее раздражение чувствовал. Он понял, что точно не сможет заснуть.

Он тихонько спросил у стюардессы:

- Не могли бы вы дать мне бокал белого вина?

Однако прежде, чем стюардесса успела ответить, Цзян Но, который, казалось, уже заснул, холодным тоном сказал:

- Несовершеннолетним нельзя употреблять алкоголь, пожалуйста, принесите ему стакан сока.

Цзян Су: ...

Цзян Су изначально хотел разозлиться, однако сейчас он был необъяснимо жаден до ощущения своего рода «родительского контроля». Теперь, когда он был рядом с братом, ему казалось, что он снова был ребенком, находящимся на чьем-то попечении.

- Ну, сок так сок, - прошептал Цзян Су, а затем спросил. - Брат, ты что-нибудь хочешь?

Молодой господин Цзян сказал с отвращением в голосе:

- Я не привык что-то пить в самолете.

Цзян Су:

Ладно, его старший брат все такой же брезгливый и беспокойный. Лучше было забыть обо всех мыслях, которые посещали его ранее.

После приземления их забрал назначенный водитель. Не теряя времени, они отправились напрямиком в больницу.

Старый господин Цзян все еще находился в коме. Когда они прибыли, сиделка только что закончила разминать ему мышцы. Бывший президент Цзян выглядел сильно похудевшим. Его глаза были плотно закрытыми, а дыхание прерывистым, как будто он погрузился в долгий сон, от которого больше никогда не проснется.

Сердце Цзян Но дрогнуло, когда он увидел эту картину своими собственными глазами.

Хотя он и не приезжал сюда раньше, он постоянно поддерживал контакт с врачом. Новости, которые он получал, заключались в том, что жизненные показатели его отца были стабильными, однако никаких признаков пробуждения не было.

Однако подобная ситуация была уже лучше, чем в его предыдущей жизни. Тогда его отец скончался вскоре после того, как он получил власть над семьей Цзян. Поскольку он на данный момент все еще жив, то это значит, что вопреки воле небес, его жизненный путь уже изменился. Именно поэтому Цзян Но продолжал надеяться на чудо.

Когда Цзян Су увидел своего отца, он не смог удержаться от слез. Он подбежал и опустился на колени перед больничной койкой. Он взял отца за руку, продолжая звать его одними губами.

Цзян Но на самом деле тоже хотелось подойти к отцу, однако перед Цзян Су, а также большим количеством медицинского персонала, он просто не мог этого сделать. Так что на данный момент он мог только продолжать играть роль «президента», оставаясь спокойным и невозмутимым.

В этот момент Цзян Но вдруг немного начал скучать по Гу Цзянго. Если бы тот был сейчас рядом с ним, он мог бы подарить ему одобряющие объятия.

Лицо молодого господина Цзяна застыло. Он оставил Цзян Су рядом с отцом, чтобы тот мог выразить свои эмоции, а сам направился к двери с доктором, чтобы поговорить о состоянии пациента.

- К счастью, перевод в больницу был сделан очень своевременно... Мы стараемся изо всех сил, но в данной ситуации, сохранение статуса-кво – это уже лучшая возможность. Он вряд ли сможет проснуться. Какова вероятность, что он придет в себя? Нет, мы обычно не говорим о вероятностях...

Чем больше Цзян Но слушал его, тем хуже становилось его настроение. В этот момент он внезапно услышал, как Цзян Су закричал:

- Брат! Старший брат! Иди сюда, папа проснулся!

- Проснулся? Как это возможно? – пожилой доктор в белом халате был потрясен.

Впрочем, у Цзян Но не было времени обращать на него внимание. Он забежал в палату так быстро, как только мог. И действительно, он увидел своего отца, лежащего с открытыми глазами. Тот приоткрыл рот, как будто зовя его «Ноно».

Это было детское прозвище Цзян Но, которое использовалось еще до того, как он пошел в начальную школу.

Ему говорили, что когда он был ребенком, он выглядел мягким и белым, как шарик клейкого рисового пирога. Именно поэтому его отец дал ему такое детское прозвище. Позже он настолько привык к нему, что его отец изменил его имя к книге регистрации домашнего хозяйства на «Цзян Но».

Когда молодой господин Цзян отправился учиться в начальную школу, в нем внезапно пробудилась непонятно откуда взявшаяся мужественность, и он почувствовал стыд за свое детское прозвище. Он больше не разрешал своему отцу называть его так. Тот, казалось, подчинился, однако всякий раз, когда он болел и у него была температура, он чувствовал, как его отец пробирается в его комнату посреди ночи, чтобы тайком погладить его по голове и прошептать: «Все будет в порядке, Ноно».

Сколько лет он уже не слышал это прозвище:

Цзян Но больше не мог сдерживать нахлынувшие на него эмоции. Из его глаз внезапно хлынули слезы, и он опустился на колени рядом с Цзян Су. Он взял старика Цзяна за руку:

- Папа, папа, я здесь, - он всхлипнул. - Я привел Сяо Су повидаться с тобой.

Мутные глаза старика Цзяна загорелись. Его взгляд блуждал по лицам обоих своих сыновей. Уголки его рта приподнялись, показывая легкую улыбку, полную удовлетворения.

Он даже выдал из себя целую фразу:

- Ноно, не дразни его.

Первоначально взволнованный Цзян Су почувствовал, как будто на него плеснули холодную воду. С трудом сдерживая слезы, он неохотно улыбнулся:

- Папа, не думай слишком много, все будет хорошо. Папа, только не умирай!

Цзян Но, который всегда презирал подчинять людей при помощи силы, тихонько и яростно ущипнул Цзян Су.

Цзян Су обиженно закрыл рот.

Старик Цзян с трудом выдал второе предложение:

- Сынок, позаботься о своем брате.

Это было похоже на последние указания. Цзян Но был уже почти не в состоянии контролировать свои эмоции. Еще одна слеза упала из его глаз, и он мог только легонько кивнуть.

Напротив, Цзян Су, казалось, не понимал, что происходит, и без конца начал говорить:

- Не волнуйся, папа, у меня хорошие отношения с братом. Теперь, когда я сбежал из дома, я живу вместе с ним.

<http://bllate.org/book/14580/1292712>